

А *puk* «stoire a, avoir confiance» (ср. др. англ. *būc* «живот»: вера понималась как «вкладывание» в организм «нового» органа взамен старого, «испорченного»); арм. *p'uk* «Hauch» (<**puk* «blow, swell, inflate, breathe»); согласно повериям древних, как голова, так и легкие являются детородными органами [типологически ср. и.-е. **pei-/per-*: др.-инд. *pelab* «Geschlechtsteile», но лит. *elpa* «breath»; лат. *spērō* «hoffen», лат. *pariō* «рожать», нем. *spielen* «играть, проводить культурную игру», англ. *pore (over)* «обдумывать», англ. диал. *piering* «форель» (рыба как фаллический символ: ср. также англ. *breath* «дыхание», но *breed* «рожать»]. Ср. еще: англ. диал. *spug* «a sparrow» (птица как предзнаменование, типологически ср. лат. *omen* «предзнаменование» <**am-*, **ay-is* «птица» + суф. *-men*); лит. *spėks* «сила».

Нем. *sprechen* «говорить» соотносится с нем. *brechen* «ломать». Типологически ср.: **bil-* «резать», но литов. *biloti* «говорить»; **ter-* «резать», но литов. *taryti* «говорить».

Нем. *alt* «старый» соотносится со значением «жечь» (в древности трупы обычно сжигали), ср. др.-англ. *ālan* «brennen» (типологически ср. греч. *τέρω* «старый», но и.-е. **ker-* «жечь»; греч. *καλός* «старый», но и.-е. **pel-* «жечь»; русск. *старый*, но инд.-ар. *tal* «жечь»; лат. *vetus* «старый», но др.-англ. *sweodol* «жар»; лат. *senex* «старый», но осет. *zuggin* «гореть» (<**zeng-*), ср. нем. *sengen*.

Рецензируемый словарь дает в руки широкого круга читателей исчерпывающую информацию по истории большей части современного немецкого лексикона. В этом отношении он выгодно отличается от предшествующих этимологических словарей немецкого языка. Однако расширение объема информации не всегда влечет за собой увеличение глубины этимологического исследования. Именно на глубину исследования

(т. е. не только на привлечение данных максимального числа новых и древних и.-е. языков, но и данных мифологии, этнографии, археологии, истории культуры), как нам кажется, следовало бы обратить внимание при издании академического словаря. Думается, что такое исследование не только не помешало бы общедоступности изложения (а в этом состоит основная методологическая направленность рецензируемого словаря), а наоборот, во многом повысило бы интерес читателей к словарю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. B., 1975.
2. Duden. Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache / Bearb. von Drosdowski G., Grebe P. Mannheim, 1963.
3. Wasserzieher E. Kleines etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / Bearb. von Betz W. Bonn, 1966.
4. Mann S. An Indo-European comparative dictionary. Hamburg, 1989.
5. Puhvel J. Hittite etymological dictionary. 1—2. The Hague, 1989.
6. Mallory J. P. In search of Indo-European language, archeology and myth. L.: N. Y., 1989.
7. Renfrew C. Archaeology and language. The puzzle of Indo-European origins. L., 1987.
8. Waal Malefijt A. Religion and culture. An introduction to anthropology of religion. L., 1969.
9. Eliade M. History of religious ideas Chicago; London, 1978.
10. Haudry J. Les trois cieux // Etudes indo-européennes. 1982. 1.
11. Топоров В. Н. К символике окна в мифологической традиции // Балто-славянские исследования. 1983. М., 1984.
12. Трубачев О. Н. Языкознание и этногенез славян. VI // ВЯ, 1985, № 5.

Маковский М. М.

Wotjakischer Wortschatz / Aufgezeichnet von Wichmann Y. Bearb. von Uotila T. E. und Korhonen M. Hrsg. von Korhonen M. Suomalais-ugrilainen seura. Helsinki, 1987. I—XXIII+421 S. (Lexica Societatis Fenno-ugricae. XXI).

«Словарь удмуртского языка» представляет собой наиболее полный источник информации по удмуртской лексике. Отличительными особенностями этого словаря являются высокий уровень лексикографической обработки материала, богатство словарика и языковых иллюстраций.

Всесторонне и подробно рассмотреть словарь — задача непосильная для крат

кой рецензии, поэтому мы ограничимся лишь разбором отдельных вопросов, которые привлекли наше внимание.

«Словарь удмуртского языка» содержит краткое предисловие (с. VII—XIX), список сокращений (с. XX—XXIII), корпус лексикона (с. 1—334), регистр немецких слов (с. 335—421).

В предисловии говорится об истории

создания словаря, его источниках, излагаются принципы отбора слов и построения словарных статей, объясняется транскрипция.

Прежде чем увидеть свет, данный словарь прошел долгий путь. Начал его собирать известный финский ученый финно-угровед Юрьё Вихман, продолжил Тойво Эмиль Уотила и завершил Микко Корхонен.

В 1891 г. Ю. Вихман отправляется к удмуртам, чтобы на месте изучить язык. Во время годичного пребывания среди удмуртов он изучил несколько диалектов удмуртского языка, собрал лексический и фольклорный материал, приобрел у местных священников и учителей рукописные словари. В целях проверки материала Ю. Вихман в 1894 г. предпринял вторую полуторамесячную поездку.

Собранный материал Ю. Вихман оформил в виде карточек размером 87×168 мм, куда заносил весь диалектный материал. Кроме основного слова, приводились и производные от него. У производных слов часто отсутствовал перевод. Значения слов, как правило, давались по-русски и по-фински, иногда по-немецки и по-шведски. Картотека Ю. Вихмана общей сложностью содержала шесть тысяч карточек, расположенных по алфавиту. Большую часть картотеки охватывают записи из глазовского, елабужского, малмыжско-уржумского и уфимского диалектов. Относительно много слов из бесермянского, сарапульского и малмыжского диалектов. Что касается свободского диалекта, то он представлен всего несколькими словами. Из изданных в России и Финляндии сборников текстов, хрестоматий и произведений народной словесности Ю. Вихман выписал 2191 словоформу, к каждой из которых приведены точные справки: том, страница, строка.

В 1932 г. Ю. Вихман скончался, и работу над удмуртским словарем продолжил его ученик Т. Э. Уотила. Он приступил к этой работе только после издания «Словаря коми-зырянского языка» [1]. Основная задача Т. Э. Уотила состояла в том, чтобы присоединить свой собственный материал по удмуртскому языку к материалам Ю. Вихмана. Т. Э. Уотила замечал, что в картотеке Ю. Вихмана очень мало иллюстративного материала (фразеологизмов, отдельных выражений, предложений и т. п.). Весь материал Т. Э. Уотила окончательно оформил согласно принципам и схеме изданного им «Словаря коми-зырянского языка» и нанес на отдельные карточки размером 110×180 мм. К сожалению, он успел составить только половину словаря до буквы л', когда в 1947 г. скоропостижно скончался.

После 13-летнего перерыва к завершению словаря приступил М. Корхонен. Он продолжил работу над картотечной согласно схеме, разработанной Т. Э. Уотила. Некоторое время потребовалось для проверки, упорядочения и шлифовки всего словаря. Работа над рукописью словаря была полностью завершена в 1975 г. и еще 12 лет потребовалось для его печатания. Таким образом, начатый Ю. Вихманом в 1892 г. «Словарь удмуртского языка» увидел свет 95 лет спустя.

Объем словаря нигде не указан. По нашим приблизительным подсчетам, общее количество vocabul приближается к 10 тысячам, и, таким образом, по лексическому богатству данный труд можно сравнить со «Словарем удмуртского языка» венгерского ученого Берната Мунакчи [2]. Словарь Б. Мункачи являлся самым большим для дореволюционного времени и сыграл значительную роль в развитии удмуртского языка. Однако финскими учеными лексические материалы его не были использованы. Таким образом, эти два словаря, отражающие в основном дореволюционный удмуртский язык, дополняют друг друга. Слова в лексические словосочетания, отсутствующие в словаре Вихмана—Уотила—Корхонена, мы находим в словаре Б. Мункачи. Материалы «Словаря удмуртского языка» финского издания, естественно, не вошли в изданный в 1983 г. большой «Удмуртско-русский словарь» [3], в то время как лексическое богатство «Словаря удмуртского языка» Б. Мункачи получило в нем отражение. Следовательно, «Словарь удмуртского языка», подготовленный финскими учеными, дополняет изданный в СССР большой «Удмуртско-русский словарь», и эти словари должны использоваться параллельно.

Как уже отмечалось, «Словарь удмуртского языка» является диалектным. В нем представлены, правда, далеко не равномерно, материалы 14 диалектов и говоров удмуртского языка. В словарь не вошли материалы верхнечепецких, среднечепецких говоров и тыловайского диалекта северного наречия; верхнежизских и увинско-важожских говоров, баялинского, тапкинчинского, красноуфимского диалектов. Данный факт объясняется тем, что диалекты и говоры удмуртского языка изучены далеко не равномерно и не полностью. Однако термин «диалектный» применительно к этому словарю не следует понимать буквально: диалектолог не найдет в нем полных сведений о степени распространённости заглавных слов по всем удмуртским диалектам и говорам, что характерно, например, для строго диалектного типа научных словарей. Из-за

ограниченности лингвогеографического материала в словаре во многих случаях указан лишь один диалект или говор, где зафиксировано то или иное слово. Тем не менее некоторые слова имеют очень широкое распространение. Например, *birkut* «беркут» (с. 24) отмечено только в маймыжско-уржумском диалекте. В действительности же данное слово встречается на широкой территории южного наречия и срединных говоров удмуртского языка.

На основе накопленных наукой к началу составления словаря материалов можно было создать своего рода свод всех сведений об удмуртской лексике. Однако составители стремились охватить преимущественно ее основной фонд. Поэтому в словаре найдла отражение главным образом бытовая лексика, связанная с прежней крестьянской жизнью удмуртов, в том числе с такими ее сферами, как охота, пчеловодство, рыболовство, сельское хозяйство, подсечное земледелие. В меньшем объеме представлены удмуртские антропонимы, названия племенных и родовых «воршудных» объединений, некоторые гидронимы и топонимы.

При отборе слов составители отдавали предпочтение преимущественно самобытным словам. Заимствования в словаре даны выборочно. Приведены только те заимствования из русского, татарского, чувашского языков, которые широко употребляются в бытовой речи и уже прочно вошли в язык.

В некоторых случаях к удмуртским словам даются этимологические параллели из близкородственного коми языка. Многие из них являются диалектизмами, но приведены они без соответствующих помет. Встречаются и неудачные параллели. Так, на с. 254 к удм. *šutni* «заквасить» приведена коми параллель *šuzni* «бродить, выбродить». Более правильно было бы удмуртское слово сравнить с коми *šutni* «заквасить, заквашивать». В транскрипции некоторых удмуртских слов встречаются неточности, например, не полностью отражена палатализация: *pond'etnik* «Монтэ» (с. 204), надо *pond'el'n'ik*. Не отмечена ассимиляция в слове *bakges* «заяк» (с. 14), надо *bakkes*.

В целом лексикогеографическая обработка материала и его подача в словаре имеет квалифицированный характер. Словарные статьи занимают основное место, и они расположены в две колонки на странице. Заглавные слова распола-

гаются по латинскому алфавиту без объединения их в гнезда. За заглавным словом следует сокращенное название диалекта. В некоторых случаях приводятся диалектные варианты слова. Во многих словарных статьях даются сложные слова и выражения, компонентом которых выступает данное заглавное слово. Затем следует иллюстративный материал (отдельные выражения и предложения, извлеченные из произведений народной словесности, хрестоматий и сборников текстов). Перевод сделан на немецкий язык, иногда также на русский и финский. В написаниях русских слов встречаются опечатки. Для заимствованной лексики указывается источник заимствования: русский, татарский, чувашский. Все удмуртские слова даны в финно-угорской транскрипции. В качестве иллюстрации приводим образец одной словарной статьи:

kal'ten G M J M U тихо, медленно (G), тихонько (M U), *hitaasti* (MU), (Adv.) *langsam*, (G M J U auch) *leise*. *tavarväs k. gine veram s'igi J* (II 110) der Fuhrmann sagte ihm ganz leise. [*Tschuw*].

В заключение отметим, что «Словарь удмуртского языка», несмотря на некоторые недостатки, является весьма информативным лексикографическим трудом, актуальность и надежность которого не вызывает никаких сомнений. Он содержит много новых лексических фактов по удмуртским диалектам и вместе с тем обобщает и в системном виде вводит в научный оборот уже известный, но для многих труднодоступный материал. Изданием этого «Словаря удмуртского языка» финские ученые продолжили добрые традиции по научной инвентаризации лексики уральских языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenlehre / Aufgezeichnet von Wichmann Y. Bearb. und hrsg. von Uotila T. E. Helsinki, 1942 (Lexica Societatis Fennougricae. VII).
2. Lexicon linguae votiacorum. A votják nyelv szótára. A Magyar Tudományos Akadémia megbízásából szerkesztette Dr. Munkácsi B. Bp., 1896.
3. Удмуртско-русский словарь / Под ред. Вахрушева В. М. М., 1983.

Туркин А. И.